

УДК 943.084

Тишина О.В., кандидат исторических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПАРТИИ «ЦЕНТР» И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ГЕРМАНИИ: ПЕРВАЯ ВОЛНА «КУЛЬТУРКАМПФА»

«Культуркампф» сыграл значительную роль в становлении партии «Центр» и в истории Германии в целом. Политика канцлера по созданию сильного светского государства, держащего церковные структуры под контролем, первоначально шла на пользу империи и отвечала веяниям времени. Однако формулировки принятых законов открыли широкую возможность для полицейского произвола. И, казалось бы, справедливое стремление правительства объединенной Германии обеспечить диктат светской власти обернулось для значительной части населения империи жесткими репрессиями и гонениями. Итоги первой волны законодательства «культуркампфа» не принесли желаемых результатов: в лагере «борцов за культуру» наметился раскол, «Центр» же, напротив, усилил свои позиции и прочно закрепился на внутривластной арене Германии.

Ключевые слова: партия «Центр», «культуркампф», Бисмарк, Людвиг Виндтхорст, рейхстаг.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-02-217-225

Первое десятилетие существования Германской империи ознаменовалось противостоянием политической власти и католической церкви. Данный период в истории получил название «культуркампф». Немецкий ученый Ф. Хартунг назвал «культуркампф» «самой драматической частью древней борьбы между государством и церковью, между светской и духовной властью» [12, с. 56]. В то же время, по мнению партийного историка К. Бахема, «это была героическая эпоха для партии «Центр», в которой она энергичным и жертвенно-мужественным отстаиванием своих принципов доказала право на свое существование» [5, с. 320]. Антицерковная политика Бисмарка сыграла значительную роль в становлении и централизации «Центра». Как верно заметил исследователь Ю.Р. Винклер: «Именно в период «культуркампфа» укрепились связи между партией «Центр» и католиками» [17, с. 161].

Термин «культуркампф» ввел в оборот лидер прогрессистской партии Рудольф Вирхов [7, с. 186]. Позже Бисмарк в своих мемуарах заметил, что «Вирхов и его коллеги явились застрельщиками «культуркампфа» [1, с. 127]. Развязывание антицерковной политики стало возможным благодаря поддержке общественности, в глазах которой партия «Центр», чей электорат в абсолютном большинстве составляли католики, действовала по указке Римского престола, стремившегося удержать свои позиции.

У самого Бисмарка было несколько мотивов для начала «культуркампфа»:

1) Деятельность соратников Виндтхорста быстро убедила канцлера в том, что он не имеет в лице парламентского католицизма дружественной партии. «Центр» иначе думал о вопросах имперской политики (конституции, федеративном характере империи и т. д.). С его массовой основой он мог стать ядром оппозиции и помешать политической программе канцлера, которая в тот момент была ориентирована на поддержку умеренно-либерального равновесия.

2) К этому можно добавить активность католической церкви в отошедших к Пруссии польских землях. По мнению Бисмарка, католическое духовенство противодействовало процессу онемечивания польского населения, что не могло не отразиться на внутреннем единстве империи.

3) Универсальные связи католической церкви настораживали канцлера. Он опасался ультрамонтанского движения во Франции, которое проповедовало реваншистскую войну против Германии. Бисмарк видел в католическом духовенстве сторонников врагов империи.

Но, как верно замечал историк Ф. Хартунг, «каждая попытка выделить одну причину начала «культуркампфа» в качестве решающей вводит в заблуждение» [12, с. 60]. Тем не менее, можно утверждать, что канцлер, взяв курс на антицерковное законодательство, стремился усилить светскую власть и укрепить завоеванное им единство в стране путем подавления сепаратистских стремлений южных и юго-западных немецких земель, а также укрепления светской власти.

Вокруг Бисмарка в один лагерь объединились национал-либералы, прогрессисты и консерваторы. Но, несмотря на то, что в рейхстаге эти партии выступали единым блоком, цели они преследовали разные. Национал-либералы переоценили национальный компонент и считали возможным в одно мгновение разорвать связь с Римом и создать немецкую национальную церковь, ядром которой, как им казалось, были старокатолики. Их идеалом было национальное государство с унифицированной национальной церковью. С этой точки зрения, «культуркампф» рассматривался либералами в качестве национального вопроса. Прогрессисты и вовсе смотрели на церковную организацию как на пережиток прошлого и выступали за полное отделение церкви от государства; для них «культуркампф» стал действительно «борьбой за культуру» - за прогрессивную светскую культуру взамен архаичной церковной, как католической, так и протестантской. Консерваторы были самыми сдержанными борцами «культурного фронта». Как пруссаки, они приветствовали ослабление католицизма, но, как верующие христиане, боялись, что эта политика будет обращена не только против католической церкви, а против церковной организации в принципе.

Своеобразным сигналом начала борьбы с католиками стала статья Бисмарка в газете «Kreuzzeitung», в которой говорилось, что Германия испытывает атаку антинациональной политической силы, направленной против правительства и руководимой извне. Это был прямой намек на католиков. Канцлер стремился показать, что начало «борьбы за культуру» было определено преимущественно польским вопросом, а именно «быстрым прогрессом польской национальности за счет немцев в Познани и Западной Пруссии» [1, с. 122].

По мнению Бисмарка, «в Познани и Западной Пруссии тысячи немцев, целые селения, которые в предыдущем поколении являлись официально немецкими, получали под воздействием католического департамента польское воспитание и стали официально именоваться поляками» [1, с. 122]. Иностранная пресса тех лет также отмечала массовость процесса «ополячивания»: «Беспрепятственно слышишь, что член какой-нибудь дворянской фамилии перешел из протестантизма

в католичество, и эти обращенные становятся самыми ревностными приверженцами крайнего направления новой церкви. Каждый переход из протестантизма в католицизм составляет, таким образом, при настоящих обстоятельствах приобретение для ультрамонтанизма» [2, с. 449]. Возможно, в этих словах есть доля правды, но говорить о столь массовом характере было преувеличением. Правильнее сказать, что проводимая правительством политика онемечивания польского населения имела весьма скромные успехи из-за сопротивления самих поляков, их стремления сохранить самобытность и самостоятельность, пусть и в рамках империи.

То есть, опасность объединенной Германии со стороны ультрамонтанов и из-за процесса «ополячивания» была не так велика, ибо, по сравнению с общим числом населения Германии, католики находились в меньшинстве, да и среди самого духовенства были лишь единицы радикально мыслящих и готовых пойти на открытый конфликт с правительством. Но это стало удобным предлогом для «железного канцлера», чтобы развязать борьбу за подчинение церкви государству.

Либеральные круги с готовностью поддерживали курс правительства в деле освобождения государства от вредного суеверия. Вообще национал-либералы под руководством Беннигсена рассматривали себя как единственных носителей национального самосознания немецкого народа, а объединенную Германию - как собственное творение. Под этим углом зрения «культуркампф» рассматривался ими в качестве мероприятий по укреплению национального духа немцев. И здесь консервативный государственный деятель, каким являлся Бисмарк, и национал-либеральная партия объединились в стремлении к общей цели: национальное объединение немецкого народа под прусским руководством и с подчинением церкви государству.

В июне 1871 г. прусское государственное министерство вынесло на рассмотрение императора Вильгельма I предложение по отмене католического департамента по делам образования и религии. Министерство указывало, что католики пренебрегли интересами империи в угоду церкви: «Католические советы снова должны будут привыкнуть к тому, чтобы чув-

ствовать себя представителем интересов государства, в то время как сегодня члены отделения католических дел рассматривают себя, прежде всего, как представителей католической церкви и это воззрение не может не влиять на отношение этих чиновников к своей служебной деятельности» [6, s. 195].

Задачей Бисмарка стало склонить императора на свою сторону. В качестве аргумента он сетовал на усиление революционных элементов в молодой империи из-за излишне терпимой к клерикалам политики кайзера: «Все блага, которыми пользуется католическая церковь во время Вашего правления, не мешают партии католиков поддерживать связь с врагами правительства из самых различных лагерей. Прежнее уступчивое и чисто оборонительное отношение правительства к таким тенденциям только увеличило смелость партии» [6, S. 195]. Канцлер всячески преувеличивал опасность для единства Германской империи «беззастенчивой пропаганды католических священников среди польского населения» [8, s. 188], показывал, что их действия грозили внутреннему единству Германской империи.

С другой стороны, императрица Августа запугивала своего супруга Вильгельма I возможными последствиями вторжения государства в права католиков, говоря, что это приведет к «ссоре между католицизмом и протестантизмом, к неверию, и должно проложить путь коммунизму» [8, S. 123-124]. Доводы канцлера оказались более весомыми. Позже Бисмарк вспоминал: «...мне не удалось преодолеть, скорее, впрочем, внешнюю и формальную неприязнь короля ... но, он, по крайней мере, убедился в опасности католического департамента и дал согласие на его упразднение, вопреки сопротивлению своей супруги» [1, с. 123].

В июле 1871 г. последовал закон о расформировании католического департамента в министерстве по делам вероисповеданий, что для католиков означало, в том числе, и лишение существенной финансовой поддержки. Канцлер, играя на общественных настроениях, мотивировал решение правительства тем, что данная структура находится под иноземным влиянием: «Католический департамент министерства вероисповеданий, задуманный вначале как учреждение, при помощи

которого прусские католики должны отстаивать во взаимоотношениях с Римом права своего государства, постепенно, с переменой состава его членов, превратился в ведомство, защищавшее среди прусской бюрократии римские и польские интересы против Пруссии» [1, с. 122-123]. Католики восприняли закрытие ведомства как стремление пруссаков к гегемонии в империи: «Отмена католического департамента – это знак того, что Пруссия не стремится быть паритетным государством, в задачу которого входит защита конфессиональных прав» [11]. В католических землях усилились антипруссские настроения. В молодой империи росла напряженность.

Вскоре правительство Баварии выступило с инициативой дополнить имперский уголовный кодекс так называемым «параграфом кафедры» («Kanzelparagraph»), согласно которому: «Священник, который в ходе исполнения служебных обязанностей в церкви или в каком-либо другом публичном месте, определенном для проведения религиозного собрания, провозгласит или сделает предметом обсуждения дела государства в духе, опасном для общественного спокойствия, подлежит наказанию путем заключения в тюрьму сроком до двух лет» [13, s. 267].

23 ноября 1871 г. в рейхстаге началось обсуждение этого законопроекта. То, что дебаты будут проходить в духе враждебности церкви, предвещала уже речь, которую баварский уполномоченный федерального совета министр фон Люц произнес к обоснованию заявления: «Сразу переходя к сути вопроса, я спрашиваю себя, кто должен быть господином в государстве? Правительство или римская церковь?» [14, s. 464]. Показательно, что в его речи не говорилось об отдельных превышениях власти духовенством, а все учение католической церкви в целом объявлялось несоместимым с современным государством: «Раньше католик, оставаясь верным христианином, в то же время мог быть и законопослушным гражданином. Это никаким образом не вступало в конфликт с его совестью. Сегодня учение объявлено догмой. Соответственно католику ничего не остается, как выбирать между его верой или послушанием правительству, ибо совместить это стало невозможно» [14, s. 466]. По мнению баварского уполномоченного, церковь открыто заявляла

не только о своем суверенитете, но и о господствующем положении в империи, тем самым вынуждая светскую власть «перейти к штрафному законодательству, как это уже было сделано во многих европейских государствах: в Италии (в более ранние времена), в Испании, во Франции, в Бельгии» [14, s. 466]. Действительно, в это время в Европе проявилась тенденция к установлению светского государства, однако не всегда это достигалось путем чрезвычайных мер.

Национал-либералы увидели в этом проекте признаки укрепления имперского духа и с радостью откликнулись на инициативу Баварии: «Это заявление – только первый скромный шаг, первая попытка империи достичь устойчивого положения взамен церковных беспорядков, которые сейчас наполняют католическую Германию» [14, s. 467]. Совершенно противоположным было восприятие законопроекта католиками. П. Райхеншпергер выразил общее мнение всех членов партии «Центр», когда расценил заявление баварского уполномоченного, как антикатолическое: «...мы услышали из уст министра государства с преимущественно католическим населением слова и речи, которые не оставляют сомнения во враждебности против всей католической церкви» [14, s. 469].

Представители фракции национал-либералов, в частности Трейчке, оправдывая введение штрафного законодательства, трактовали его как вынужденную меру против католической нетерпимости: «Этот шаг необходим для интересов свободы. Он не только позволит сохранить суверенитет государства, но и вместе с тем станет предпосылкой всей политической свободы, выступит гарантом умеренных форм политической борьбы» [14, s. 467]. Представители католической партии справедливо задавались вопросом: «Что это за свобода, которая начинается с принуждения!?». По сути, действия национал-либералов противоречили их собственной идеологии. В ответ на попытки этой партии хоть как-то оправдать свои дела епископ Кеттелер заметил: «Можете говорить, что хотите, но это чрезвычайный закон в прямом смысле этого слова» [14, s. 482]. Виндтхорст и вовсе заявил о диктатуре большинства в рейхстаге: «Составляя большинство, вы можете ежеми-

нотно оформлять акт насилия в форму закона, впрочем, этим вы сейчас и занимаетесь» [14, s. 525]. Много нареканий у представителей католической фракции вызвала расплывчатая формулировка так называемого «параграфа кафедры», которая оставляла возможность для произвола властей: «...что надо понимать под делами государства? Не охватывают ли эти дела все мыслимое, в особенности все те области, которые являются абсолютной прерогативой церкви? Не охватывают ли они все отношение между государством и церковью?» [14, s. 472].

В продолжение споров епископ Кеттелер охарактеризовал поддержку национал-либеральной партией данного законопроекта как уступку правительству ради достижения в последующем собственных интересов: «Я хотел бы напомнить господам из определенных партий рейхстага о том, что вечный союз с властью невозможен. И, вероятно, на основании колебаний в правительственных кругах, союз, в котором вы чувствуете себя так удобно, рухнет, и тогда через три-четыре дня против вас также будут подготовлены штрафные законы» [14, s. 481]. Неожиданно Кеттелера поддержал прогрессист Е. Рихтер: «Реакционное копье, которое раньше было направлено налево, теперь метит против «Центра». Та же рука, которая повернула его направо, может повернуть его снова налево» [14, s. 518]. Далее он заметил, что, если бы государство обеспечило народу настоящую свободу, в частности ввело бы гражданский брак, освободило школу от церковного влияния и т. д., то церковь сама бы себя изжила: «Правительство, которое требует этого закона не либеральное правительство: оно не хочет народу, стоящему перед духовенством со связанными руками, развязать их; оно не хочет самому народу дать в руки оружие, чтобы он защищался против духовенства; оно хочет только умножить власть государства. Такие преследования и ореол мученичества могут только стократно усилить сопротивление» [14, s. 518]. Несмотря на столь убедительные доводы, подавляющее большинство партии прогрессистов выступило за принятие «параграфа кафедры»: «Мы должны принять этот закон, так как он станет первым шагом к отделению церкви от государства. Нам противно от того, что мы начинаем со штрафного закона. Однако вы не оставили

нам другой возможности» [14, s. 518]. То есть постепенно уже среди самих «борцов за культуру» появились разногласия: часть бывших сторонников была разочарована теми методами, которыми правительство стремилось достичь суверенитета от церкви.

В декабре 1871 г. законопроект был принят подавляющим большинством. Согласно внесенным в уголовный кодекс поправкам, священник мог наказываться не только штрафом, но и тюремным заключением. Из членов национал-либеральной партии голосовал «против» один только Э. Ласкер, из прогрессистов свое «решительное нет» сказал Е. Рихтер. Консерваторы практически не участвовали в обсуждении, но в своем большинстве поддержали законопроект.

Основное значение нового параграфа уголовного права состояло в том, что с этого времени власть встала на путь чрезвычайных законов по отношению к католической церкви. Это явилось важным моментом «культуркампа», так как проводимая Бисмарком политика по созданию сильного светского государства с подчиненным положением церкви все же шла на пользу империи и отвечала веяниям времени. Естественно, что такой курс находил отклик у прогрессистов и национал-либералов. Но, как только основным смыслом и содержанием «культуркампа» стал государственный произвол и репрессии, число сторонников политики канцлера значительно уменьшилось, более того в самом лагере «борцов за культуру» наметился раскол.

Новый виток антицерковной политики в начале 1872 г. придала отставка министра по делам образования и религии фон Мюллера и назначение на этот пост Адальберта Фалька. Известный отечественный историк А.К. Дживелегов так охарактеризовал этого политического деятеля: «Фальк - натура энергична и боевая, знающий юрист, тонкий диалектик и отличный оратор» [3, с. 82]. Сам Бисмарк очень высоко оценивал деловые качества нового «способного и мужественного сотоварища по борьбе»: «...министры с такими способностями, как Фальк, не встречаются у нас на каждом шагу» [1, с.124]. В немецкой научной литературе именно Фальк считается создателем боевого законодательства «культуркампа».

11 марта 1872 г. последовал школьный закон о надзоре, первый параграф которого гласил: «...надзор над всеми общественными и частными учебными и воспитательными заведениями принадлежит государству» [4, s. 217]. Эта мера с точки зрения борьбы за светское государство выглядела половинчатой, так как закон предполагал лишь уменьшение влияния церкви на школу, а не их полное разделение.

Дабы сгладить негативное впечатление, Бисмарк в обосновании к закону заявил, что целью его принятия является усиление процесса германизации ряда территорий империи: «Католические священники, пользуясь своим нынешним положением инспекторов училищ, ставят дурные отметки тем ученикам, которые успевают в немецком языке, и как следствие немцы в этих провинциях (польские провинции и даже Силезия) перестают учить своих детей немецкому литературному языку» [15, s. 580].

Обсуждение проекта закона «Центр» встретил негодованием, расценив как нарушение прав церкви. Виндтхорст сказал по этому поводу: «Церковь в Германии основала школы, она содержала школы и в них привела народ на современную ступень образования. Государство, не имеющее ни способности, ни органов для религиозного обучения, изгнав церковь из школы, по необходимости обратится в безрелигиозное государство, в языческое государство, в государство без Бога или оно само сделается богом на этой земле» [15, s. 670-674]. Участники католического собрания в Берлине в январе 1872 г. также осудили проект закона о школьном надзоре, мотивируя это тем, что «отсутствие религиозности приведет от либерализма к коммунизму» [10].

Консерваторы также прохладно отнеслись к закону, так как его действие затрагивало и интересы евангелической церкви. Дабы развеять их опасения, министр Фальк заявил, что «закон будет применяться в исключительных случаях... Относительно евангелических инспекторов училищ – вероятно нигде, и относительно католических инспекторов преимущественно только в польских провинциях или там, где немцы смешаны с поляками» [16, s. 597]. Несмотря на уверения, часть депутатов от консервативной партии проголосовала против принятия законопроекта. Для

Бисмарк это стало поводом к расхождению с правыми консерваторами и еще большему сближению с национал-либералами. Канцлер, воспринимавший «культуркампф» как войну с врагами империи, посчитал «недостаточную поддержку консерваторов враждебным для страны дезертирством» [12, s. 62].

При голосовании прогрессисты и национал-либералы составили большинство, что и позволило принять данный законопроект. Но надо отметить, что и «главные застрельщики культуркампфа» - прогрессисты не были удовлетворены законом, так как считали инициативу законодательной власти половинчатой и недостаточной для полного удаления церкви из школы.

Следующий шагом к ослаблению власти папы стал имперский закон относительно «Общества Иисуса», проект которого поступил на рассмотрение рейхстага 11 июня 1872 г. В обосновании к законопроекту говорилось, что правительство исходило из опасности для единства империи, которую несет в себе деятельность ордена иезуитов и его отдельных членов. Бисмарк считал, что разнообразная деятельность общества Иисуса открывала его членам широкий простор для влияния на народ. Кроме того, царившая среди иезуитов дисциплина, подавлявшая духовную свободу человека, строгий контроль, имущественная и правовая несамостоятельность, - все это, по мнению канцлера, превращало индивида в безвольное орудие в руках римского начальства.

Законом на территории империи запрещалась деятельность ордена иезуитов и родственных ему конгрегаций. Более того, предусматривалось ограничение гарантированных конституцией свобод: «§ 2. Члены ордена «Общества Иисуса» или родственных ему орденов и конгрегаций, если они являются иностранцами, могут быть высланы из пределов империи; если они являются гражданами Германии, то им может быть воспрещено пребывание в отдельных округах и местах» [9, s. 318]. Предлагаемые меры означали нарушение гарантированных конституцией гражданских прав и свобод. Фактически правительство пренебрегло Основным законом своего государства. Новый законодательный акт открывал возможность для широкого полицейского произвола, на что и обратил внимание

рейхстага депутат от «Центра» Г. Маллинкродт: «Согласно этому закону, не нужны исследование, судья, вынесение приговора, требуется только указание министра полиции или канцлера» [16, s. 1006]. В ходе последующего обсуждения представители католической фракции обвинили правительство в дискриминации католического меньшинства в целом и католической церкви в частности. То есть доводы, приводимые депутатами «Центра» вполне отвечали главным его принципам, а именно защите прав и свобод. Такая последовательность в политической практике импонировала общественности.

Активными участниками дебатов являлись национал-либералы, которые пытались вновь обратить внимание рейхстага на антинациональную сущность партии «Центр». Наиболее непримиримо и резко высказался Гнейст: «В течение десятилетий мы видели, как римский дух в нашей народной жизни победоносно и непреодолимо продвигается вперед. Сейчас настал период совершенно здоровой реакции немецкого народного духа, который пытается сбросить с себя эту змею. Только в опоре на государство и закон протестанство сможет справиться с этой задачей» [16, s. 1143-1144]. Таким образом, партия национал-либералов продолжала эксплуатировать образ «римских интервентов». Но к этому времени, после развернувшегося полицейского произвола, в умах общественности католики из врагов империи уже превратились в жертву диоклетианских гонений.

Совершенно справедливо один из идеологов «Центра» А. Райхеншпергер обозначил позицию национал-либералов, которые прибегли к полицейским мерам, как «демонстрацию банкротства либерализма в идейной сфере»: «Существуют огромные средства, которые находятся в распоряжении правительства, чтобы бороться со всем, что можно признать опасным для государства. Депутат Виндтхорст уже указал вам на армию, университеты, на линию общественных школ... Я добавлю в этот список еще и прессу... С таким количеством вариантов прибегать к исключительным законам более чем нелогично» [16, s. 1131]. Лидер социал-демократов Бебель поддержал католиков в этом вопросе: «Если бы либерализм действовал го-

раздо больше по своей воле, а не по воле правительства, то он не решился бы представлять нам такой законопроект. Более того, если бы государство и либеральная партия делали то, что обещали делать, а не пренебрегали самым безответственным способом народным воспитанием и народным образованием, то вопрос церковного влияния решился бы сам собой» [16, s. 1081]. Даже один из наиболее ярких парламентариев тех лет Э. Ласкер с горечью признавал, что «...мы забыли те самые учения, за которые боролись в течение всей жизни» [16, S. 1081]. Это свидетельствовало о зачатках раскола в национал-либеральной среде. На таком фоне «Центр» с его курсом на защиту и расширение свобод становился все популярнее.

Итак, само ограничение деятельности ордена могло пойти во благо империи. Но применение закона представляло возможности для полицейского произвола. В заключительном голосовании от 19 июня законопроект, касавшийся «Общества Иисуса», был принят 181 голосами против 93. Вступил в действие 4 июля 1872 г.

Как чрезвычайный закон, который пренебрегал гарантированной конституцией свободой перемещения для определенной группы католиков, он вызвал широкий резонанс: поднялась волна ожесточения среди немецких последователей римской церкви. Постепенно и не католическая общественность, до сей поры оправдывавшая радикальные действия правительства, встала на защиту гонимых. Римский понтифик также не остался в стороне. 24 июня 1872 г. папа обратился к немецким католикам: «Что касается преследования, которое ведется в вашем отечестве, боритесь против него со стойкостью и молитвой в прессе, в общественной речи... Только, твердо сплотившись, мы сможем шагнуть в будущее... В преследованиях церковь очищается, укрепляется и расцветает с новой силой» [9, s. 317]. Бисмарк позднее был вынужден защищаться от подобных нападок:

«Католическое духовенство является политическим институтом в церковной форме и переносит на своих сотрудников собственное убеждение в том, что его свобода заключается в его власти и что повсюду, где церковь не господствует, она вправе жаловаться на диоклетянское гонение» [1, с. 120].

Закон относительно «Общества Иисуса» завершил первую волну «культуркампа». Многие законы того времени – гражданский брак, отделение школы от церкви, борьба с иезуитами – были разумными и передовыми. Однако уже в ходе принятия первой серии законодательства выявились разногласия в лагере «борцов за культуру». Все партии, до той поры поддерживающие «культуркампа», были недовольны мерами его воплощения в жизнь: вместо постепенных конституционных преобразований и реформ – гонения и репрессии. Реализация казалось бы отвечающего веяниям времени законодательства на деле оборачивалась политическим произволом. Притеснения со стороны государства испытывали не только церковь и «Центр», но и рядовые граждане-католики. Правительство Бисмарка по сути попирало права и свободы значительной части населения империи. Политика репрессий способствовала изменению общественного мнения: католики из «врагов империи» превратились в гонимых «борцов за свободу». Общественность отказала правительству в поддержке и встала на сторону католического меньшинства. Очевидно, что и сам «железный канцлер» не достиг поставленных целей начатой им борьбы: католическая церковь практически не пострадала, а партия «Центр» даже усилила позиции среди электората. Кроме того, уже судьба «школьного закона о надзоре» показала, что большая часть консерваторов и ортодоксальные силы евангелической церкви отказывают правительству в поддержке и вынуждают Бисмарка опираться (и даже ставят его в зависимость) на национал-либералов.

Список литературы

1. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940. 288 с.
2. Вестник Европы. 1871. № 5.
3. Дживелегов А.К. История современной Германии. Часть II: 1862-1910. СПб., 1910. 210 с.
4. Aktenstücke zur Geschichte der kirchenpolitischen und kirchlichen Kämpfe der siebenziger Jahre / Gesammelt und mit Bemerkungen begleitet von A. Keller. Aarau. 1883. 492 s.

5. Bachem K. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der Deutschen Zentrumpartei. Bd. 3.: Das neue Zentrum der Kulturkampf in Preußen, 1870-1880. B., 1927. 451 s.
6. Das Deutsche Kaiserreich 1871-1914. Ein historisches Lesebuch // Hrsg. G.A. Ritter. Göttingen. 1975. 387 s.
7. Deutsche Geschichte in Schlaglichtern / Von H.M. Müller. Mannheim, 1996. 512 s.
8. Die Vorgeschichte des Kulturkampfes. Quellenveröffentlichung aus dem Deutschen Zentralarchiv. B., 1956. 366 s.
9. Dokumente der deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart. Ein Quellenwert für die politische Bildung und Staats bürgerliche Erziehung. Bd. I.: Die Reichsgründung und das Zeitalter Bismarcks 1848-1890 / Hrsg. J. Hohlfeld. B., 1951. 472 s.
10. Germania. 1872. № 11.
11. Germania. 1871. № 232.
12. Hartung F. Deutsche Geschichte 1871-1919. Stuttgart, 1952. 446 s.
13. Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags (далее – S.B.R.). Bd. 21. B., 1871.
14. S.B.R. Bd. 22. B., 1871
15. S.B.R. Bd. 24. B., 1872.
16. S.B.R. Bd. 25. B., 1872.
17. Winkler J.R. Sozialstruktur, politische Traditionen und Liberalismus: eine empirische Langschnittstudie zur Wahlenwicklung in Deutschland 1871 – 1933. Opladen, 1995. 478 s.

THE CONFRONTATION BETWEEN THE PARTY “CENTER” AND THE POLITICAL AUTHORITIES IN: THE FIRST WAVE OF “KULTURKAMPF”

The paper is devoted to the problem of the confrontation between the party “Center” and the political authorities in Germany. The author points out that “Kulturkampf” was played a significant role in the formation of the party “Center” and in German history as a whole. Much attention is given to the policy of the Chancellor to create a strong secular state to control the structures of the Church. The laws were created the opportunity for police abuse. The fair commitment of the government of the United Germany to ensure the dictates of the secular authorities was turned hard repression and persecution for a large part of the population of the Empire. The results of the first wave of legislation “Kulturkampf” did not bring the desired results: in there was a split in the camp of “fighters for culture”. On the contrary, the party “Center” had strengthened its position in the political arena of Germany.

Keywords: party “Center”, “Kulturkampf”, Bismarck, Ludwig Windthorst, the Reichstag

References

1. Bismarck O. (1940) Mysli i vospominanija. [The thoughts and memories]. V.2. M.
2. Vestnik Evropy [Herald of Europe]. 1871. № 5.
3. Dzhivelegov A.K. (1910) Istorija sovremennoj Germanii. Chast' II: 1862-1910. [The history of modern Germany. Part II. 1862-1910]. SPb.
4. Aktenstücke zur Geschichte der kirchenpolitischen und kirchlichen Kämpfe der siebenziger Jahre / Gesammelt und mit Bemerkungen begleitet von A. Keller. Aarau. 1883. 492 p.
5. Bachem K. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der Deutschen Zentrumpartei. Bd. 3.: Das neue Zentrum der Kulturkampf in Preußen, 1870-1880. B., 1927. 451 p.
6. Das Deutsche Kaiserreich 1871-1914. Ein historisches Lesebuch // Hrsg. G.A. Ritter. Göttingen. 1975. 387 p.
7. Deutsche Geschichte in Schlaglichtern / Von H.M. Müller. Mannheim, 1996. 512 p.
8. Die Vorgeschichte des Kulturkampfes. Quellenveröffentlichung aus dem Deutschen Zentralarchiv. B., 1956. 366 p.
9. Dokumente der deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart. Ein Quellenwert für die politische Bildung und Staats bürgerliche Erziehung. Bd. I.: Die Reichsgründung und das Zeitalter Bismarcks 1848-1890 / Hrsg. J. Hohlfeld. B., 1951. 472 p.
10. Germania. 1872. № 11.
11. Germania. 1871. № 232.
12. Hartung F. Deutsche Geschichte 1871-1919. Stuttgart, 1952.
13. Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags (далее – S.B.R.). Bd. 21. B., 1871.

14. S.B.R. Bd. 22. B., 1871.

15. S.B.R. Bd. 24. B., 1872.

16. S.B.R. Bd. 25. B., 1872.

17. Winkler J.R. Sozialstruktur, politische Traditionen und Liberalismus: eine empirische Langschnittstudie zur Wahlenwicklung in Deutschland 1871 – 1933. Opladen, 1995. 478 p.

Об авторе

Тишина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, заведующая музеем Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: tishina.ov@bk.ru.

Tishina Olga Vladimirovna - Candidate of historical sciences, Director of the Museum of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: tishina.ov@bk.ru.